

ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД В ОПРЕДЕЛЕНИИ КОНСТАНТ КУЛЬТУРЫ¹

Е. В. Макарова

В научной и философской рефлексии современности культура все настойчивее вновь «обретает» онтологический статус, который, наряду с другими следствиями, позволяет упорядочить обилие ее феноменальных форм и выявить ядерные структуры культурных феноменов. Приведем лишь некоторые предпосылки подобного упорядочивания. Освободившись от статуса атрибута социальной предметности, следствия социально-политических и экономических формаций, культура все больше рассматривается как таковая, в ее онтологическом статусе и феноменологической явленности, становясь объектом внимания междисциплинарных исследований. Однако обилие форм проявления культуры в результате подобных исследований затрудняет проникновение в глубинные ее основания, определение «инвариантов». Кроме того, многообразие научных методов анализа культурных феноменов и объем фактического материала затрудняет реализацию синтетических исследований в этой области. Этому способствует и то, что современная философия культуры и культурология избавились от наивного деления культуры на материальную и духовную, а общественных явлений – на социальные и собственно культурные. Соответственно, были признаны обладающими культурным смыслом феномены различного рода – действительные, мнимые, ложные, рациональные и иррациональные, массовые и элитарные, повседневные и трансцендентные, – все они в равной мере являются реалиями сознания и качестве таковых входят в актуальный или потенциальный мир человеческой культуры [2, С. 291].

Результатом философского онтологического упорядочения культурных ценностей, норм, паттернов, традиций можно считать концепцию М.Ю. Шишина, относящую их к одному из трех страт: анти-, а- или собственно культуре [5].

В методологическом аспекте анализа

культуры разных философских доктрин есть общее основание: культура нации или этноса невозможна без ее «осознания» и артикуляции [5, С. 55-60]. В широком смысле это понятие опирается на то, что концентрируется вокруг *осознания* сходств и отличий между «своими / нами» и «другими / не нами». Иными словами, культура невозможна без факта *означивания* и *придания смысла* практике различения в рамках социального взаимодействия [6]. Так или иначе ни эссенциализм, ни конструктивизм не отрицают того, что культура в современном мультинациональном обществе заявляет о себе при условии *осмысленного* (и как «осознанного», и как «наделенного смыслом») выделения и артикулирования специфических групповых признаков: осознание, осмысливание и артикуляция через задействованные лингвистические структуры наделяют смыслом определенные признаки, приписываемые группе, и связывают их с теми или иными проявлениями реальности. Эти социальные значения лингвистических структур и формируют сферу дискурсивного измерения культуры. Вербальная коммуникация эксплицирует подобные социальные значения и одновременно оказывает влияние на дальнейшее воспроизводство этнически-маркированных смыслов. С другой стороны, одним из важных оснований новой эпистемологии в исследовании культурных оснований стало понимание коммуникации как «*конститутивного* элемента культуры, деятельности и социальных отношений» [3] в отличие от ее прежнего истолкования в качестве «простого обменного процесса между переработчиками информации». В наиболее популярном в XX веке функционалистском подходе к культурным феноменам в лингвистике и смежных научных дисциплинах придание коммуникации конститутивного статуса превращает культуру в продукт коммуникативной деятельности, т.е. социального взаимодействия смыслами. Поэтому язык в этих концепциях имеет не репрезентативную, а конститутивную природу, обозначая границы предполагаемого трансцендентного мира. Следовательно, функционализм также делает акцент на дискурсивной природе

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке совместного гранта РГНФ-Мин ОК Монголии (проект 08-04-92306 а/Г) «Специфика проявления культурных констант России и Монголии в трансграничной области на Алтае»

социально-психологических миров, создаваемых индивидами и сообществами в процессе коммуникативного действия. Что же касается «социального конструирования», то это осмысливание мира на основе уже существующих освоенных, ставших обширными паттернов, полученных в результате многочисленных коммуникативных актов. Как видим, при всем отличии обоих подходов единым основанием в исследованиях культуры признается дискурс как конструирование культурных смыслов и создание алгоритма социальных действий. Так, «чтобы описать, понять и объяснить культуру той или иной общности, в определенном смысле достаточно диагностировать дискурс этой общности» [1, С. 289].

Принимая за основу онтологическую концепцию культуры, а также дискурсивность последней (которая, как видим, не противоречит и другим, альтернативным взглядам на сущность культуры), мы получаем возможность нового взгляда на процессы межкультурного диалога, в котором более явно обнаруживаются ключевые составляющие культуры и связи между ними. В этом контексте человек рассматривается погруженным в культуру в той степени, в какой ключевые ее ориентиры (константы, универсалии и пр.²) и соответствующие им потребности становятся доминантами его поступков и поведения, в том числе и речевого, т.е. порождения дискурса. Следовательно, возможно и обратное: конструирование и описание культурных констант на основании дискурс-анализа. Более того, дискурсивная природа культуры явлена для человека не только в акте передачи сообщения, но и в диалоге, в межкультурном – особенно: основу для процессов/процедур сличения, дифференциации и идентификации также составляют культурные константы и универсалии. Входя в ментальный мир человека, они не только мыслятся, но и переживаются, составляя предмет эмоций, антипатий и симпатий, ассоциаций. Выявление культурных констант – взгляд с метаязыка, обнажающий механизмы фиксации правил культурной коммуникации, который возможен при анализе дискурса в рамках межкультурного диалога.

Однако перед исследователем дискурса как экспликатора и внутреннего механизма культуры, как справедливо отмечает Е.А. Кожемякин, встает ряд методологических вопросов, среди которых: а) что считать аутен-

тичным смыслом высказываний в дискурсе – инварианты, которые содержатся в прецедентных текстах, в интенциях автора, в ожиданиях и коммуникативной компетенции адресата или те, которые содержатся в порядке самого дискурса; б) через изучение каких параметров и индикаторов мы можем зафиксировать «предел дискурса», т.е. обнаружить его границу; в) как следует интерпретировать позицию субъекта в дискурсе – как творчески активную (генеративно-агентивную) или как зависимую и производную (подчинительно-конструируемую); г) как отражаются культурные, социальные, языковые и прочие условия на производстве текстов; д) каковы принципы отбора и анализа текстов в рамках дискурсного анализа и каковы границы самого дискурс-анализа [1].

В рамках исследования проявления культурных констант России и Монголии в трансграничной области на Алтае нами было установлено, что способы создания текстов, фиксирования их значений в историческом, социальном и культурном контекстах целесообразно устанавливать посредством анализа и прецедентных текстов (среди которых фольклор, фразеосистема, тексты массовой информации, произведения литературы и искусства), и диалогов представителей обеих культур в различных языковых ситуациях. Для восстановления социокультурного контекста используются данные социологических исследований, исторические, этнографические, географические сведения. Кроме того, поскольку прагматически важным для исследования является изучение и описание не только сходных или тождественных констант и универсалий двух культур, но и различных (выступающих препятствием в межкультурном диалоге), то внимание уделяется и анализу границ дискурсного поля. Зоны ограниченного понимания или полного непонимания семиотических единиц, имеющего культурные основания, целесообразно обнаруживать экспериментальным³ путем (ассоциативные методики и прямое толкование) при сопоставлении с указанными выше экстралингвистическими данными. Что касается исследования силового характера дискурса, то при выявлении устойчивых скреп национальной культуры творчески активная позиция субъекта дискурса отходит на второй план, однако становится важной при

² О терминологии см. в указанной работе М.Ю. Шишина

³ Впрочем, несмотря на устойчивость термина «эксперимент» в современной лингвистике, он может быть оправдан только при многоступенчатом исследовании с изменением контекстов и кластеров анализа.

описании целостной сети культурных доминант, констант и универсалий, их полевой организации и системы взаимосвязей.

Анализ, описание и рекомендации по применению сведений о культурных константах двух стран помимо прочих задач призваны предотвратить процесс вульгаризации иной культуры, при которой ее упрощенный «фольклорный» образ может привести к конфликту народов на приграничных территориях. В осуществлении диалога культур России и Монголии важным звеном является консолидация, основанная на объединении и сплочении культур с учетом их этнокультурных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожемякин, Е. А. Дискурсивный подход к изучению культуры: актуальные методологические вопросы / Е. А. Кожемякин // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Т. II. – Новосибирск, 2009. – С. 289
2. Культурология. XX век. Энциклопедия. – С. 291.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М., 2003. – С. 81.
4. Пак, О. В. Дискурсивное измерение этничности: взгляд с позиций субстанциализма и конструкционизма / О. В. Пак // Вестник НГУ. Серия: Философия. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. Т.3. Вып. 2. – С. 55-60.
5. Шишин, М. Ю. Онтологический статус и иерархия констант культуры: ноосферный подход.
6. Barth F. Ethnic groups and Boundaries. The social organisation of culture differences. Bergen; L. 1989. – P. 15.